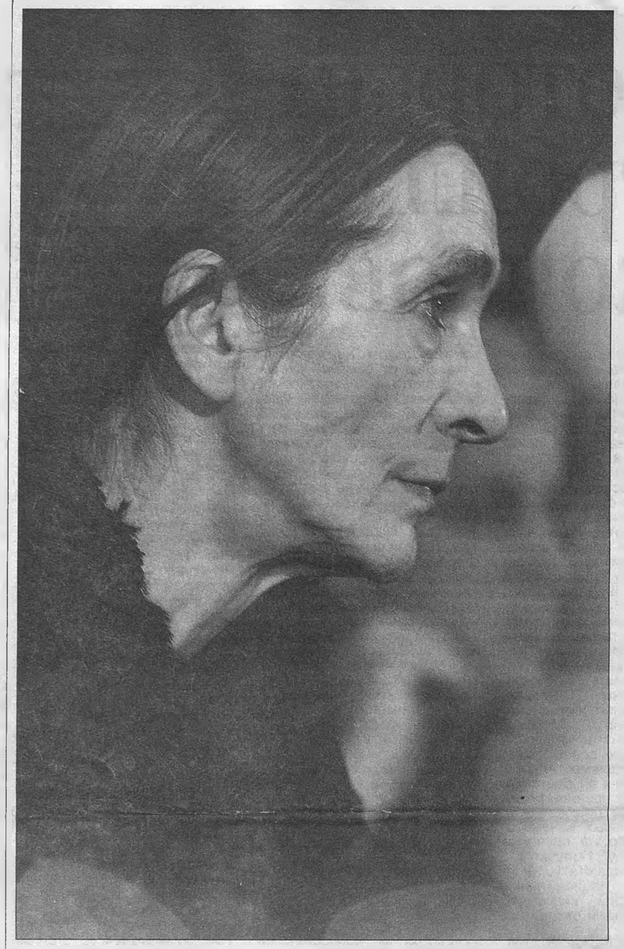
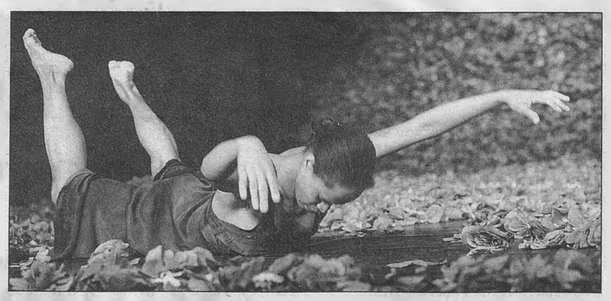




Письмо счастья

В самом конце 2004 года мы посмотрели спектакль, датированный 97-м. Это была постановка Пины Бауш, одной из выдающихся женщин, раскрывших свое большое сердце, будто цветок, навстречу людям. Бауш – публичный человек. Всю жизнь она очень много работала для того, чтобы люди получали надежду, ответы хотя бы на самые маленькие свои вопросы, просто хорошие и сильные впечатления. Бауш не претендует на роль всемогущего, всезнающего деспота от искусства. Примерять такие полномочия – амбиции, свойственные мужчинам. А такие женщины, как Пина Бауш или, к примеру, Ариан Мнушкин, желают только одного – быть услышанными и понятыми, разделить с другими чудесные и простые свои озарения. Они всегда оказываются правы.

Спектакль Пины Бауш «Мойщик окон» – это своеобразное «письмо счастья». Письмо – потому что язык танца здесь будто расшифрован. Он как никогда ясен, движение часто обращается простым будничным жестом. Впрочем, будничным ровно настолько, насколько обыденны слова, из которых составлены самые прекрасные стихи.

Вообще, танец в «Мойщике окон» – очень органичная вязь современного танца и фолка. К примеру, если одна из танцовщиц труппы Бауш бразильянка, то в ее сольо отыщутся элементы самые глубинные, национальные, стопроцентно узнаваемые. Даже музыка подскажет, с какого края света приехала красивая женщина. Просто это – наиболее естественный пластический язык для бразильской танцовщицы. У африканки танец будет другим. У китаянки тоже. В труппе Пины Бауш собрались артисты со всего мира.

Бауш хочет быть понятой. Движения танцовщиков подобны азбуке глухонемых. Все свои силы артисты на сцене отдают, чтобы на раскрытой ладони преподнести зрителю что-то очень, очень важное.

И что же это? Ничего замысловатого. Простая, земная философия. И потому – необыкновенно гуманная, обращенная к человеку. Как он чувствует себя в мире? Бауш находит мудрый ответ на вопрос, способный многих повергнуть в страшную меланхолию.

Все персонажи в постановке Бауш одиноки и обречены. Не меньше. У каждого свое сольо, свой момент искренности. Свой эпизод, многое объясняющий. Например, девушка, попав однажды под колеса картонного автомобиля, снова и снова совершает свои падения навзничь, ищет их, инсценирует. Фальшивая машина – только атрибут, призванный в который раз исполнить назначенное героине. Другая женщина обитает в пространстве трагедии. Она в черном, волосы распущены. "Вечно покинутая", она обречена терять из своих объятий мужчин, одного за одним. А еще один человек, повешенный вверх ногами, должен переливать воду из одного ведра в другое – без конца. Эта понятная ссылка на греческий миф о Сизифе и Данаидах – еще одна подсказка. Да, люди обособлены. У каждого – свой камень и своя гора. Но Бауш как режиссер и философ не позволяет трагическому взять верх.

В ее спектакле – каждый по отдельности. Но вместе они (и мы!) составляют картину целого. Человек с ведрами внезапно принимает какую-то дурацкую позу, от которой смешно и нам, и ему. Потом и он, и девушка с автомобилем, и все персонажи, сев прямо на пол, танцуют какой-то лихой, громкий, радостный танец. Там, среди всех, будет даже "вечно покинутая", одетая теперь в платье, расписанное яркими цветами, а на губах ее будет красная помада и улыбка. Да, у каждого свое сольо и свое неотменное предназначение. Но что тогда остается? Радость жизни, – отвечает гуманистка Пина Бауш.

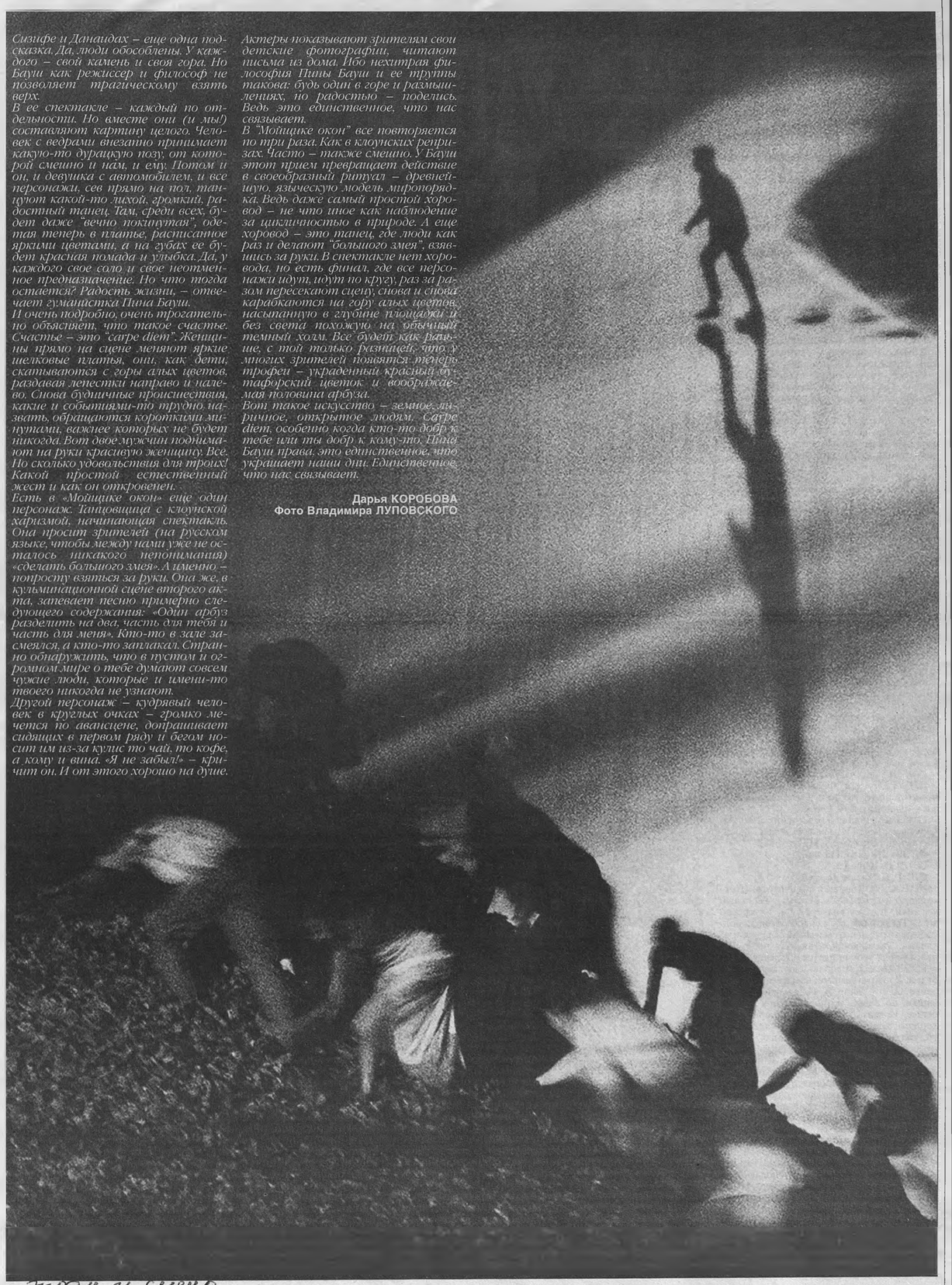
И очень подробно, очень трогательно объясняет, что такое счастье. Счастье – это "carpe diem". Женщины прямо на сцене меняют яркие шелковые платья, они, как дети, скатываются с горы алых цветов, раздавая лепестки направо и налево. Снова будничные происшествия, какие и событиями-то трудно назвать, обращаются короткими минутами, важнее которых не будет никогда. Вот двое мужчин поднимают на руки красивую женщину. Все. Но сколько удовольствия для троих! Какой простой естественный жест и как он откровенен.

Есть в «Мойщике окон» еще один персонаж. Танцовщица с клоунской харизмой, начинающая спектакль. Она просит зрителей (на русском языке, чтобы между нами уже не осталось никакого непонимания) «сделать большого змея». А именно, – попросту взяться за руки. Она же, в кульминационной сцене второго акта, запевает песню примерно следующего содержания: «Один арбуз разделить на два, часть для тебя и часть для меня». Кто-то в зале засмеялся, а кто-то заплакал. Странно обнаружить, что в пустом и огромном мире о тебе думают совсем чужие люди, которые и имени-то твоего никогда не узнают.

Другой персонаж – кудрявый человек в круглых очках – громко мечется по авансцене, допрашивает сидящих в первом ряду и бегом носит им из-за кулис то чай, то кофе, а кому и вина. «Я не забыл!» – кричит он. И от этого хорошо на душе.

Актеры показывают зрителям свои детские фотографии, читают письма из дома. Ибо нехитрая философия Пины Бауш и ее труппы такова: будь один в горе и размышлениях, но радостью – поделись. Ведь это единственное, что нас связывает.

В "Мойщике окон" все повторяется по три раза. Как в клоунских репризах. Часто – также смешно. У Бауш этот прием превращает действие в своеобразный ритуал – древнейшую, языческую модель миропорядка. Ведь даже самый простой хоровод – не что иное как наблюдение за цикличностью в природе. А еще хоровод – это танец, где люди как раз и делают "большого змея", взявшись за руки. В спектакле нет хоровода, но есть финал, где все персонажи идут, идут по кругу, раз за разом пересекают сцену, снова и снова карабкаются на гору алых цветов, насыпанную в глубине площадки и без света похожую на обычный темный холм. Все будет как раньше, с той только разницей, что у многих зрителей появятся теперь трофеи – украденный красный тафторский цветок и воображаемая половина арбуза.

Вот такое искусство – земное, личное, открытое людям. Carpe diem, особенно когда кто-то добр к тебе или ты добр к кому-то. Пина Бауш права, это единственное, что украшает наши дни. Единственное, что нас связывает.

Дарья КОРОБОВА
Фото Владимира ЛУПОВСКОГО